

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО¹⁾.

III.

Но въ чемъ же корень зла? Анализъ теоріи индивидуализма показалъ, что корень зла таится какъ будто въ томъ, въ чемъ эта теорія справедливо видѣтъ красу человѣчества, его силу и источникъ всяческаго его преуспѣлія, именно—въ неравенствѣ силъ и способностей между людьми. Значить нужно устраниить это неравенство, и тогда получится гармонія? Съ этимъ предположеніемъ мы вступаемъ въ область, мечтаній другой, совершенно противоположной индивидуализму, теоріи коммунизма, которая тоже думаетъ осчастливить человѣчество по своему рецепту. Рецептъ этотъ очень простъ: нужно уничтожить неравенство,—и прежде всего неравенство имущественное,—и въ результатѣ получится обѣтованная земля. Но истинѣ, нужно быть опытнымъ волшебникомъ, чтобы съ увѣренностью начать подобное дѣло и привести его къ желанному концу. Но не забѣгая впередъ, познакомимся хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ съ исторіей теоріи коммунизма. Она—почтенныхъ лѣтъ, и знакома была еще грекамъ, изъ которыхъ нѣсколько знаменитыхъ именъ значится въ числѣ ея приверженцевъ. По словамъ Аристотеля, Фалеасъ изъ Халкідона первый предложилъ планъ реорганизаціи общества на началахъ полнаго равенства и общаго обладанія землей. Софисты были распространителями коммунистическихъ идей. Ихъ держался Пієагоръ и эпикурейцы. Но самая полная теоретическая разработка коммуни-

¹⁾ Окончаніе. См. юньскую кн. Богосл. Вѣстника.

стического идеала принадлежитъ Платону. „Лучшее государство, лучшее правление, лучшие законы, говоритъ онъ въ своемъ разговорѣ о „Законахъ“, суть тѣ, которые выполняютъ старинное изреченіе: у друзей—все общее, и если можно—общая жена, общая дѣти, общая имѣнія“. Въ разговорѣ „О государствѣ“ Платонъ рисуетъ, по его мнѣнію, идеальный общественный строй, въ которомъ два высшихъ класса воиновъ (или стражей) и правителей (или философовъ) ведутъ коммунистический образъ жизни и не имѣютъ собственности. Трудами третьего класса—ремесленниковъ и земледѣльцевъ—удовлетворяются свои необходимыя потребности; роскошь и храненіе ценныхъ металловъ имъ возвращается; ихъ коммунизмъ простирается на одежду, жилище, на женъ и дѣтей. „Общность женъ доставитъ величайшее благо. Каждый будетъ видѣть въ другомъ сестру или брата, сына или дочь, отца или мать“. Въ новое время коммунизмъ ирежде всего выразился у Томаса Мора въ его „Утопії“ (1518 г.), и въ этомъ видѣ господствовалъ въ теченіи XVII—XVIII вв. Вдохновляемый Платономъ, Т. Моръ написовалъ въ своей „Утопії“ материалистически-коммунистической идеалъ, по которому населеніе воображаемой, фантастической страны торговли не ведеть и денегъ не имѣть, но получаетъ все необходимое отъ государства въ обмѣнъ на 6-часовой обязательный трудъ. Порабощеніе людей, по мнѣнію Мора, слѣдствіе частной собственности. Самый совершенный порядокъ тотъ, который даетъ наиболѣшее удовлетвореніе всѣхъ потребностей наиболѣшаго числа людей. Нѣкоторые изъ дальнѣйшихъ представителей коммунизма выражаютъ свои мечты въ слѣдующей доктринальной форме: три основныхъ закона рекомендуетъ Морелли для реорганизаціи общества: *первый*—собственность отмѣняется, *второй*—всякий человѣкъ разсматривается какъ должностное лицо, какъ чиновникъ, и *третій*—каждый гражданинъ обязанъ содѣйствовать общему благу. Получать отъ государства пропитаніе—это право, работать—обязанность гражданъ (1755 г.). Въ одномъ манифестѣ коммунистовъ выражаются такія требованія: „Мы желаемъ общаго имущества, или общности имуществъ. Нѣть больше частной собственности на землю, земля ничья. Проды принадлежатъ всѣмъ... Природа дала каждому человѣку равное право на пользованіе всѣми благами. Трудъ и наст-

лажденіе должны быть у людей общими". Въ теченіи своего развитія коммунизмъ подвергся разнымъ видоизмѣненіямъ и раздѣлился на три типа: 1) сантиментальный—эпический, 2) материалистически-революціонный и 3) мистически-религіозный. Впослѣдствіи же, именно съ 1847 г. коммунизмъ, какъ самостоятельное ученіе, перестаетъ существовать и расплывается въ соціализмъ.

Въ настоящее время соціализмъ представляетъ собою уже грозную силу, съ которой государственнымъ людямъ приходится считаться. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи, напр., соціализмъ составлялъ явленіе не особенно замѣтное и существенное. Теперь же онъ составляетъ настолько сильную партію, что въ прошломъ году въ рейхстагѣ было выбрано уже девять соціалистовъ. Сила соціализма настолько притягательна, что его идеями стало вдохновляться современное германское духовенство одинаково усердно, и католическое и протестантское.

У насъ въ Россіи, по заявлению одного компетентнаго духовнаго оратора, „соціальныя, или вѣрнѣе сказать, антисоціальныя идеи проникаютъ всюду и помимо болѣе или менѣе капитальныхъ книгъ извѣстнаго направленія и безъ посредства совратителей: какъ мелкая пыль, они носятся, такъ сказать въ воздухѣ, передаются въ переводныхъ романахъ, сыплются мелкой прессой и заражаютъ нечувствительно. Иной ни одной соціальной книжки не прочелъ, не видѣлъ въ глаза ни однаго соціалиста, а между тѣмъ зараженъ уже соціализмомъ и дѣйствуетъ въ его духѣ“, (статья прот. И. Смирнова. Церк. Вѣд. 1900 г. № 1).

Изъ вышеприведенного краткаго исторического очерка коммунизма становится ясно, въ чемъ заключается сущность его, къ чему направлены его стремленія, чаянія и надежды. Коммунизмъ хватается за больныя мѣста нашей общественной жизни, и отсюда черпаетъ силу и все необходимое для своего существованія. Одинъ незаслуженно богатъ, другой незаслуженно бѣденъ; одинъ изнемогаетъ отъ своего избытка, отъ сытости и довольства, другой съѣдается материальною нуждою и напрасно тратить силы въ борьбѣ съ разнаго рода недостатками. Одинъ можетъ предаваться лѣни и нѣгѣ и не трудясь пользоваться всѣми благами жизни, другой не успѣваетъ отирать пота съ лица своего отъ непо-

мѣрныхъ напряженій и тѣмъ не менѣе не можетъ выбиться изъ подъ власти гнетущей его нужды.

Коммунизмъ, а въ настоящее время соціализмъ, ставить себѣ цѣллю уничтожить эту неправду на землѣ и водворить справедливость, которая, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы блага земная были всѣмъ доступны въ одинаковой степени. Поэтому, какъ мы видѣли, онъ не признаетъ частной собственности, а у кого она есть, она насильственно должна быть отнята и обращена въ общее достояніе. Равнымъ образомъ и самъ человѣкъ, его трудъ и вся его дѣятельность должны быть общимъ достояніемъ. Не должно быть никакихъ преимуществъ одного предъ другимъ, всѣ должны быть равны между собою,—и въ результатѣ должно получиться, по мечтамъ нынѣшняго соціализма, общее довольство и счастіе.

Но что же дѣлать съ существующимъ порядкомъ? Какъ достигнуть обѣтованной земли, кипящей медомъ и млекомъ? Въ этомъ отношеніи защитники коммунистическихъ теорій не стѣсняются средствами. Они проповѣдуютъ походъ на владѣтелей—собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, на богачей, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ огромные капиталы. Они требуютъ общаго, обязательного для всѣхъ труда. Всякая отдѣльная личность есть часть цѣлаго, атомъ, назначеніе котораго служить общей работѣ организма, жизнью котораго онъ только и питается. За это самоножертованіе каждого обѣщается жизнь на общихъ, одинаковыхъ для всѣхъ началахъ; проектируются общиа мѣста жительства, строго казарменного или фабричного характера, общія столовыя и пр. Всѣ будутъ втиснуты въ одинаковыя рамки, стерты всякия индивидуальныя особенности, всѣ будутъ равны, ничего не будетъ выдающагося, нарушающаго общій строй жизни, но за то всѣ одинаково будутъ сыты и, предполагается, всѣ будутъ счастливы и довольны.

Но можетъ ли достигнуть этихъ цѣлей соціализмъ? Цѣльствительны ли тѣ средства, которыми онъ думаетъ достигнутьуврачеванія всѣхъ общественныхъ ранъ, такъ чтобы никто уже не жаловался на свою судьбу и всякий былъ доволенъ своимъ положеніемъ?

Если обѣ индивидуализмъ мы говорили, что онъ—мечта, то не менѣе мечтательнымъ характеромъ отличается и ком-

мунизмъ. То, что въ немъ дѣйствительно имѣеть практическое значеніе, это его исходная точка и основыя побуждения, а затѣмъ все остальное относится къ области фантазіи. Несомнѣнно, что наша общественная и государственная жизнь страдаетъ весьма многими язвами, которыя рѣзко бросаются въ глаза вся кому, болѣе или менѣе безпристаному наблюдателю. Это даетъ силу критикѣ соціализма, которая въ этомъ случаѣ имѣеть жизненное, практическое значеніе. Соціализмъ и коммунизмъ сильны именно своимъ отрицаніемъ, своимъ критическимъ отношеніемъ къ существующему порядку вещей, который заключаетъ въ себѣ многое мѣсть, открытыхъ для его стрѣль.

И пока будуть продолжаться въ общественномъ и государственномъ организмѣ разнаго рода нестроенія и непорядки, пока общественная жизнь будетъ зять извѣстными язвами, до тѣхъ поръ не исчезнетъ и соціализмъ, питающейся и существующей на счетъ этихъ общественныхъ золъ. Въ этомъ заключается правая сторона соціализма. Но затѣмъ, сущность самого ученія соціализма, всѣ средства, которыя имъ рекомендуются для уврачеванія недуговъ страждащаго человѣчества, планы, которые онъ предлагаетъ для преустройства всего общественного строя,—все это или отличается фантастическимъ характеромъ, или же, въ случаѣ осуществленія, привело бы совершенно не къ тѣмъ результатамъ, какіе имѣеть въ виду соціализмъ.

Соціализмъ въ построеніи своей теоріи исходитъ изъ той мысли, что всѣ люди между собою *равны* и елѣдовательно всѣ имѣютъ одинаковое право на участіе въ земныхъ благахъ. Однако фактъ, что всѣ люди различаются между собою по своимъ силамъ и способностямъ, по индивидуальнымъ особенностямъ своей тѣлесной и духовной природы, по высотѣ или низости своего умственнаго и нравственнаго состоянія и пр. и пр.,—этотъ фактъ остается неоспоримымъ, и его нельзя уничтожить никакими софизмами. Поэтому равенство, понимаемое въ смыслѣ коммунизма, и основанная на немъ одинаковость во взаимныхъ отношеніяхъ, привели бы къ очень неудобнымъ результатамъ. На основаніи этого равенства божественный Платонъ, витающій своею царственnoю мыслю въ превысшей области высокихъ идей, и постѣдний поденщикъ, роющійся въ мусорѣ; нашъ геніаль-

ный Пушкинъ, и какойнибудь волостной писарь; Суворовъ—нашъ чудо-богатырь, и постѣдній плюгавенькій солдатикъ,—всѣ должны стать въ одинъ рядъ, на одну доску, и ждать себѣ одинаковой оцѣнки со стороны общественного вниманія. Но истинѣ, горько становится за человѣческую природу, когда къ ней прилагается подобная уравнительная мѣрка, оскорбляющая чувство справедливости въ самыхъ его глубокихъ основаніяхъ. Какъ бы тяжело чувствовалось тогда высокоодареннымъ личностямъ, если бы они встрѣчали такое крайнее равнодушие и несправедливость въ оцѣнкѣ своихъ внутреннихъ преимуществъ!... Сколько горькихъ и совершенно резонныхъ упрековъ послали бы они судьбѣ за то, что она дала имъ орлиныя крылья, эти порывы ко всему возвышающемуся надъ будничною дѣйствительностью, тогда какъ общественная тирания заставляетъ ихъ копаться въ этой постыдней, обѣщающей имъ за это только мѣщанско-счастливецъ на жиденькой приправѣ соціалистической стряини!.. Къ такимъ, крайне несправедливымъ отношеніямъ, должна приводить идея равенства, понимаемая въ смыслѣ соціализма.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію средствъ, которыя соціализмъ рекомендуетъ для приведенія своей теоріи въ дѣйствительность, прежде всего посмотримъ,—законно-ли, справедливо ли, человѣколюбиво ли это посягательство на чужую собственность, которую соціализмъ предлагаешь отнять у собственника для общаго раздѣла, особенно въ томъ случаѣ, когда эта собственность есть исключительно плодъ усилий извѣстнаго лица? Справедливо ли отнимать у него ради великаго множества лѣтняевъ, которые часто потому и находятся въ бѣдственномъ состояніи, что ни къ чему не хотятъ приложить своихъ рукъ? Но еслибы даже отнимали достояніе въ пользу дѣйствительно людей несчастныхъ, которые, хотя и трудятся, но не могутъ покрыть всей своей нужды и удовлетворить всѣмъ своимъ самыми насущными потребностями, то и въ такомъ случаѣ—законно ли—и съ юридической и съ нравственной точекъ зрѣнія — подобное насилие? Чѣмъ виновато извѣстное лицо, что природа надѣлила его сравнительно съ другими избытокъ духовныхъ и физическихъ силъ, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ болѣе, чѣмъ другіе, и почему именно свой излишекъ долженъ отдать

неимущему? Онъ, конечно, можетъ это сдѣлать, но только по собственному своему произволенію, въ силу своего личнаго почина и сочувствія къ нуждѣ ближняго, но заставить его насильно это сдѣлать,—никто не можетъ, такъ какъ на это нѣтъ и не можетъ быть никакихъ законовъ, кроме нравственныхъ, обязательность которыхъ утверждается самою же отдѣльною личностю, а не впѣшнею принудительною силою,—въ формѣ чего-бы ни обнаруживалась эта послѣдняя. Итакъ съ какой бы точки зрењія мы ни разсматривали фактъ насильственного отчужденія собственности въ пользу неимущихъ, онъ будетъ нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ требованій справедливости, во имя которой и начинаетъ свою дѣятельность соціализмъ. Противъ него будетъ воліять 8-я заповѣдь закона Моисеева: *не укради*, такъ какъ соціализмъ узаконяетъ ея нарушеніе въ самой наглой ея формѣ,—въ формѣ *грабительства*.

А потому этотъ однообразный, насильственный, для всѣхъ обязательный трудъ, это проектированіе казарменного устройства жизни съ игнорированіемъ всякихъ личныхъ привычекъ и вкусовъ, это, слѣдовательно, уравненіе всякихъ личныхъ способностей и наклонностей, эта всеобщая стрижка подъ одинъ гребень,—все это не есть ли злѣйшее посягательство на свободу человѣческой личности,—ту свободу, которая есть главный источникъ всѣхъ радостей въ жизни человѣка, которая въ иныхъ случаяхъ только и составляетъ его единственную усладу и счастіе? Въ своей полемической части противъ индивидуализма мы приводили мнѣніе, по которому человѣкъ есть рабъ по природѣ своей, и вся его исторія есть исторія рабства, которое онъ переживалъ въ разные периоды въ разныхъ формахъ. Мы приводили его въ качествѣ опроверженія индивидуализма съ его проповѣдью *безграничной* свободы, не признавая ее по существу своему истинною. Человѣку дѣйствительно свойственно подчиненіе, но только во имя порядка, который обеспечиваетъ его свободу. Истинная свобода есть та, которая является госпожею самой себя; а это господство состоять въ самоподчиненіи тому нравственному порядку вещей, тому стремленію къ высшему идеалу, которые явились въ мірѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ и составляютъ его вѣчное, неистребимое, хотя и постоянно наразумно расточаемое достояніе его внутренней

природы, какъ образа Божія, какъ луча изъ горняго міра. Поэтому стремлениe къ подчиненію, которое дѣйствительно существуетъ въ природѣ человѣка, не есть слѣдствіе его рабскихъ чувствъ: главною своею цѣллю оно имѣетъ обезпечениe той же свободы духа, такъ какъ при посредствѣ его человѣкъ только и можетъ сберечь, сохранить и развить себя въ личность съ ея разнообразными типическими чертами, построить свою жизнь на началахъ, вытекающихъ изъ особенныхъ, своеобразныхъ потребностей его свободного духа.

Ничего подобнаго не сужитъ, да и не можетъ сужить то подчиненіе, какого требуетъ отъ человѣка соціализмъ: задача соціализма заключается не въ томъ, чтобы подчинить себѣ человѣка для обезпечения его свободы. Его задача проще; онъ хочетъ обезпечить ему только насущный хлѣбъ. Соціализмъ какъ бы такъ говоритъ человѣку: „отдай мнѣ всего себя въ полное мое распоряженіе, — и ты будешь сытъ“. И такое ограниченіе, суженіе своей задачи исключительно, или главнымъ образомъ материальными интересами, составляеть одну изъ главныхъ ошибокъ соціализма. Въ этомъ случаѣ, какъ бы сами собой напрашиваются слова Христа: „не однимъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“. Жизнь человѣка не можетъ уложиться въ узкія формы понятій сытости и довольства. Какъ известно, въ человѣкѣ есть множество высшихъ потребностей духа, ради удовлетворенія которыхъ человѣкъ бываетъ готовъ претерпѣть и холодъ и голодъ и всякаго рода внѣшнія неудобства и лишенія. Джонъ Стюартъ Милль выразилъ эту же мысль въ формѣ, которая, хотя и можетъ нѣсколько шокировать изысканный слухъ, но въ тоже время очень наглядно выражаетъ сущность человѣческихъ стремлений: „Лучше быть, говорить онъ, неудовлетвореннымъ человѣкомъ, чѣмъ удовлетворенной свиньей, лучше быть неудовлетвореннымъ Сократомъ, чѣмъ доволенымъ дуракомъ (Утилитаризмъ Милля).“

Правда, послѣдователи соціализма могутъ сказать, что напрасно граничивать ихъ цѣли устроеніемъ человѣку только внѣшняго довольства, что соціализмъ можетъ построить жизнь на самыхъ широкихъ началахъ, имѣя въ виду удовлетворить всевозможныя потребности человѣческаго духа на высотѣ его настоящей культуры; что онъ доставить ему

всевозможный комфортъ и самыя разнообразныя средства для развитія и удовлетворенія высшихъ сторонъ его духовной природы: научной, эстетической, художественной и пр. и пр. и что въ данномъ случаѣ онъ (соціализмъ) будетъ имѣть за собой то преимущество, что всѣ эти блага онъ сдѣлаетъ возможными для всѣхъ, и не для однихъ только людей богатыхъ и знатныхъ. На все это и подобное этому можно отвѣтить: сколько бы благъ ни сулилъ соціализмъ своимъ послѣдователямъ, какіе бы широкіе горизонты онъ ни рисовалъ имъ,—все это будетъ имѣть слишкомъ мало цѣнъ для человѣка, который лишенъ самаго дорогаго для себя дара, незамѣнимаго никакими благами міра сего, именно,—свободы и всего, что съ нею связано. „Рабы, вла-
чашіе оковы, свободныхъ пѣсенъ не поютъ“; потому что по-
добныя пѣсни суть свободное творчество свободнаго духа. И не только пѣть, но и услаждаться пѣніемъ другихъ на-
стоящимъ образомъ не могутъ тѣ, кто находится въ не-
волѣ, такъ какъ произведенія свободнаго творчества вполнѣ
могутъ восприниматься и быть понятными свободнымъ же
духомъ: пониманію рабскаго духа это не доступно. Бетхо-
венская соната въ человѣкѣ, воспитанномъ въ свободныхъ
началахъ, можетъ возбудить множество высокихъ настрое-
ній, а проведшему жизнь въ рабской атмосфѣрѣ можетъ
показаться воемъ.

Но можетъ быть общиі совокупный трудъ прольетъ радость и теплоту въ безотрадную жизнь послѣдователей соціализма? Дѣйствительно, есть мыслители, которые думаютъ видѣть смыслъ жизни только въ трудѣ: „Смыслъ жизни, говорять они, человѣкъ можетъ найти лишь воплощеніемъ въ своей собственной работѣ, въ трудѣ, потому что трудъ человѣка, какъ „дѣятельность цѣлесообразная“, можетъ за-
ставлять насъ совершать цѣлесообразные поступки, а въ достиженіи цѣли всѣ люди—великіе и малые, и даже сумасшедшіе, видѣть смыслъ своего существованія“. (Жизнь 900 г. № 1 стр. 250). И если одиночный трудъ сообщаетъ смыслъ жизни человѣка, то трудъ совокупный, уже одною своею плодотворностію, не можетъ ли еще болѣе и украсить и уси-
лить біеніе ея жизненнаго пульса?

Напрасная надежда... Трудъ пріятенъ человѣку, когда онъ одушевляется какою либо идею, которая сообщаетъ ра-

ботъ творческій характеръ. Но трудъ подневольный, о какомъ только и можетъ думать соціализмъ, трудъ притомъ часто избранный не по склонности, но вопреки призванию работника, не можетъ сопровождаться творческою идею. Послѣдняя опять можетъ быть только плодомъ той же свободы и личнаго почина, но не можетъ быть навязана со стороны, являясь по закону, по вызову высшаго начальства. А безъ этой идеи всякий трудъ будетъ работой механической, мертвой и неплодотворной, не возвышающей, а принижающей и убивающей личность,—будетъ ли она совершающаяся въ единственномъ числѣ, или въ союзѣ съ другими, подобными же невольниками. Всякій изъ послѣднихъ будетъ стараться не о томъ, чтобы сдѣлать побольше, а какъ можно поменьше, и не о томъ, чтобы сдѣлать получше, а кое какъ и какънибудь, лишь бы справить свой урочныи часъ. Нѣть, не можетъ подобный трудъ одушевлять человѣка и дѣлать его счастливымъ.

Итакъ, что бы могла дать въ результатѣ эта теорія,—еслибы, конечно, возможно было ея осуществленіе,—теорія, которая ради сытости и мѣщанскаго счастія, лишаетъ человѣка свободы, обращаетъ его въ невольника, механически исполняющаго извѣстную долю труда, игнорируетъ всякия особенности въ способностяхъ и наклонностяхъ каждого и выкраиваетъ каждую личность по опредѣленной схемѣ, такъ чтобы въ общемъ получилось совершенное равенство во всемъ всѣхъ и каждого? Гдѣ во главу угла общественной жизни кладется материалистическое начало сытости и довольства, тамъ, разумѣется, нѣть почвы для развитія идеального и возвышенного. Гдѣ отнимается всякая личная инициатива, тамъ не можетъ рождаться и процвѣтать ничего оригинальнаго, самобытнаго, лично вдохновеннаго, геройческаго, романически-прекраснаго. Гдѣ господствуетъ одинъ только подневольный трудъ, тамъ въ обществѣ могутъ развиваться только рабскія чувства. Въ конечномъ резулѣтѣ получилось бы полное измельчаніе человѣческой природы, представители которой, вытравивши въ себѣ все геройческое, образовали бы изъ себя простое стало, поступное волѣ пастиха и его кнуту и равнодушное ко всяkimъ незгодамъ. И это было бы истиннымъ бѣдствиемъ человѣчества! Соціализмъ хочетъ устранить общественную неспра-

вездливость, отереть слезы несчастнымъ, остановить стоны обездоленныхъ.... Прекрасная мечта!.. Но имъ забывается при этомъ, что истинное бѣдствіе не тамъ, гдѣ совершаются ошибки, торжествуютъ заблужденія, и даже несправедливость и неправда, гдѣ слышатся стоны страданія и вопли гибели, а тамъ, гдѣ равнодушны къ ошибкамъ, гдѣ безучастны къ неправдамъ, гдѣ безмолвны въ страданіяхъ, гдѣ смиренны въ обидахъ—даже по отношенію къ самымъ священнымъ чувствамъ—гдѣ вообще нѣтъ трепета чувствующей и мыслящей человѣческой души. Къ такому, именно, состоянію и ведеть соціализмъ съ его нивелировкой и обезличеніемъ всячаго человѣческаго существа. Безразличное отношение къ добру и злу служить яснымъ признакомъ нравственного вырожденія, духовнаго атавизма, одичанія, возвращенія къ зоологическому состоянію.

IV.

Принципы коммунизма нѣкоторые изслѣдователи хотятъ привязать къ христіанскому учению, а проектируемый имъ образъ жизни къ христіанской первоначальной общинѣ. Коммунистический характеръ они усматриваютъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ и при этомъ ссылаются на известное мѣсто Дѣяній Апостольскихъ: „*Всѧ вѣрюющіе были въ иѣзть и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждого*“ (Дѣян. II, 44—45). На этомъ основаніи нынѣшнее западное духовенство, будучи не въ силахъ оказывать прямое противодѣйствіе сильному напору соціалистического движенія, сочло за болѣе практически благоразумное войти въ это движеніе идей, доказывая, что христіанская община есть первообразъ рабочей ассоціаціи, и слѣдовательно, по существу своему, вполнѣ отвѣтаетъ цѣлямъ и домагательствамъ соціализма. И вотъ, по свидѣтельству нѣмецкихъ ученыхъ (Циглеръ), наиболѣе талантливое и искреннѣе западное духовенство, безъ всякихъ якобы насилий надъ своею совѣстю и задачами своего сана, пристало къ соціализму.

Это естественно приводить насъ къ необходимости разъясненія того, какъ разрѣщается нашъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества въ христіанскомъ учениі.

Попутно сдѣлаемъ предварительно нѣсколько замѣчаній относительно первоначальной христіанской общинѣ въ томъ смыслѣ, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить какимъ либо прототипомъ рабочей ассоціації въ смыслѣ соціализма. Первоначальная христіанская община была такимъ своеобразнымъ, исключительнымъ явленіемъ, которое уже болѣе не повторялось въ послѣдующей исторіи христіанской жизни. Это было время когда христ. община сохраняла не тронутыми, свѣжими и чистыми всѣ соки своего юнаго организма. Всѣ члены ея были исполнены еще свѣжихъ живыхъ воспоминаній о ея Основателѣ. Его образъ, какъ живой, еще предносился ихъ внутреннимъ очамъ, и время еще не успѣло наложить на немъ своей печати. Несомнѣнно, это было временемъ такого искрѣнняго религіознаго одушевленія, равнаго которому исторія христіанской жизни еще не знаетъ. Всѣ христіане имѣли одно сердце, одинъ духъ. Они приносили все, что имѣли, въ свою общину, и это было непринужденнымъ, свободнымъ актомъ ихъ внутренняго расположенія. Можетъ ли быть чтонибудь подобное въ проповѣди соціализма, который рекомендуетъ замуровать живую душу въ тѣсныя рамки сухаго формализма, вытравить и отсѣчь отъ нея все, что не можетъ уложиться въ это своего рода Прокустово ложе?... Можно только удивляться близорукости охотниковъ сближать между собою два несопромѣримыя явленія...

Но если первоначальная христіанская община не можетъ служить опорою и прототипомъ соціалистическихъ мечтаний, то само христіанское ученіе даетъ вполнѣ достаточное основаніе для разрѣшенія занимающаго нась вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества. Индивидуализму, прилагающему слишкомъ много усердія о гарантіи своей личной свободы, о неприкосновенности и независимости своей особы, живущему исключительно интересами своего узкаго, эгоистического я и вслѣдствіе этого забывающему, что онъ связанъ самыми давними и самыми крѣпкими узами съ своими близкими, мы сказали бы словами Христа: *Кто хочетъ душу свою спасти, тотъ потеряетъ ее.* Какой глубоко правдивый смыслъ заключаютъ въ себѣ эти слова нашего Божественнаго Учителя!... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видѣли уже, что индивидуализмъ, полагающій въ основу

своей доктрины принципъ безграничной свободы, никогда не можетъ достигнуть желаемыхъ имъ практическихъ результатовъ. Безграничная свобода, не управляемая высшими принципами, легко обращается въ личный необузданный произволъ, не признающій для себя никакихъ законовъ, которые такъ или иначе могли бы стѣснить его и требовать отъ него извѣстнаго рода подчиненія и уступокъ, во имя хотя бы, напр., самыхъ основныхъ требованій общежитія. Предположимъ, что всѣ члены общества заразились бы подобными принципами необузданного своекорыстнаго произвола,—и мы увидали бы, что въ общемъ получится такой порядокъ, при которомъ всѣ чувствовали бы себя стѣсненными; такъ какъ никто бы не могъ быть увѣренъ, что онъ гарантированъ отъ произвола другаго. Такимъ образомъ, абсолютная свобода могла бы оказаться только въ воображении, на самомъ же дѣлѣ она постоянно подвергалась бы возможности нарушенія со стороны всѣхъ другихъ. Дѣйствительная свобода можетъ быть только тамъ, где она признается и поддерживается всѣми другими. По истинѣ, непреложно слово Гоподне: *кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее.* Дѣйствительно, какая можетъ быть жизни, души безъ дорогой свободы, которая составляетъ неотъемлемое достоинство ея богоподобной природы, но которая оказывается пустымъ словомъ при практическомъ осуществлениі мечты индивидуализма, такъ какъ она повела бы къ всеобщему рабству? *Какою мѣрою мѣрите, такою вознѣрится и вамъ.* Если личность будетъ заботиться только о себѣ и отрицать права другихъ, то и ее всѣ забудутъ и тоже не признаютъ ея правъ, —что и будетъ для нея *погибелью*.

Въ свою очередь коммунисту, или соціалисту, мечтающему привести всѣхъ къ одному знаменателю и на этомъ основаніи упрочить материальное счастіе и довольство, мы противопоставили бы слова Христа: *не заботьтесь и не говорите, что вамъ юсть, или что пить? или во что одѣться?* Потому что всего этого ищутъ и язычники, и потому что Отецъ нелѣсный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.... Не одни изъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ... Между тѣмъ коммунизмъ только къ тому и стремится, чтобы путемъ насилия надъ свободою человѣческой личности обеспечить ей материальное довольство, забывая, что это послѣднее, при

нравственномъ гнетѣ, не можетъ имѣть для нея настоящей цѣны и никогда не замѣнитъ ей тѣхъ благъ, которыя связаны съ ея свободою. Есть мѣръ иныхъ высшихъ интересовъ, которыхъ человѣкъ никогда не продастъ за чечевицную похлебку, которыми, по слову Господа, онъ будетъ всегда живъ, даже при отсутствіи хлѣба наущнаго, — лишь бы гарантирована ему была его золотая свобода.

Но если индивидуализмъ и коммунизмъ оказываются не состоятельными предъ лицемъ евангельской правды, то гдѣ же выходъ? Въ чемъ найдемъ мы разрѣшеніе нашего вопроса? Попицемъ опять въ тѣхъ же рѣченіяхъ Христа: „Кто хочетъ идти за мною, отвергнись себя“... „Кто погубить душу свою ради Меня, тотъ спасеть ее“. Что значить это „отвергнуть себя“? Что значить далѣе погубить душу свою? Должно ли дѣйствительно самоотреченіе дойти до совершеннаго погубленія души?

Было бы въ высшей степени странно,—если бы въ такомъ крайне буквальномъ и узкомъ смыслѣ понимать слова Того, Кто затѣмъ именно и приходилъ на землю, чтобы спасти душу человѣческую. Не могъ Онъ требовать такой необыкновенной жертвы и потому, что Онъ зналъ, что душа человѣческая, носящая въ себѣ образъ Божій, окончательно быть истребима, обратиться въ ничто, не можетъ. Значить, нужно понимать *погибель* души въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ, такъ какъ эта погибель ведетъ къ тому, чтобы спасти человѣческую душу, обезпечить ей жизнь. „Кто погубить душу, говорить Христосъ, ради Меня, тотъ спасеть ее.“ Что значитъ это *ради Меня*? Несомнѣнно, этимъ выражается требование отъ человѣка—построить жизнь на тѣхъ завѣтахъ и идеалахъ, которые Христосъ оставилъ своимъ послѣдователямъ. А эти завѣты и идеалы заключаются въ слѣдующемъ: *Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ* (Мѳ. 5, 44). *Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Никто больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Иоан. 15, 12—13). Вотъ путь, который дѣйствительно можетъ вести ко спасенію души человѣческой и построить ея жизнь на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Фиктивны были основанія у индивидуалиста, потому что на

нихъ можно только погубить душу: эгоизмъ не можетъ быть созидающимъ началомъ. Жизнь во Христѣ, построенная на Его завѣтахъ, требуетъ великаго подвига самоотверженія; она внушаетъ человѣку съ корнемъ вырвать изъ себя эгоистической начала, которыхъ порабощаютъ человѣка и лишаютъ его въ концѣ концовъ истинной внутренней свободы духа. Это и значитъ *погубить* душу въ проявленіяхъ ея своекорыстной, самолюбивой жизни для жизни настоящей, истинной, гдѣ духъ свободенъ отъ оковъ эгоизма и гдѣ уже ничто не мѣшаетъ ему отдаваться на служеніе высшимъ интересамъ, соответствующимъ истинной его природѣ.

Но жизнь во Христѣ доставляетъ каждому не только *личную* свободу духа, но упрочиваетъ и вышеинее положеніе человѣка, такъ что и въ сферѣ взаимныхъ отношеній съ другими людьми онъ будетъ чувствовать себя вполнѣ безопаснымъ въ смыслѣ сохраненія своихъ личныхъ правъ, въ противоположность индивидуализму, который, какъ мы видѣли, въ концѣ концовъ, долженъ постоянно трепетать за нарушеніе своихъ правъ со стороны всѣхъ другихъ послѣдователей этой теоріи, возводящихъ крайній произволъ въ принципъ своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь во Христѣ, побуждающая любить всѣхъ, даже враговъ своихъ, настолько расширяетъ жизнь каждой отдѣльной личности, сообщаетъ ей такой характеръ всеобъемлемости, что она включаетъ въ себя интересы всѣхъ другихъ людей, и въ свою очередь при такой всеобщей любви другъ къ другу каждая отдѣльная личность повторяется въ миллионахъ сознаний всѣхъ другихъ человѣческихъ существъ, для которыхъ она составляетъ предметъ ихъ любви, какъ существо родственное съ ними по духу. Современное человѣческое сознаніе даже едва-ли можетъ и представить себѣ, что это была бы за полнота человѣческаго счастія!... Тогда не было бы нужды ни въ какихъ баррикадахъ и рогатинахъ, ни въ какихъ бумажныхъ, гражданскихъ законахъ для огражденія личности и правъ каждого. Эти послѣднія сами собою оказались бы *неприкосновенными*, такъ какъ все, что принадлежитъ мнѣ, дорого не для одного только, но и для всѣхъ другихъ, въ любви которыхъ я пребываю весь со всѣми своими достоинствами и недостоинствами, со всѣми сво-

ими желаниями и потребностями, равно какъ и всѣ другіе со всѣмъ содержаніемъ духовной и материальной жизни пребываютъ въ моей любви. Непотизмъ, фаворитизмъ и другія подобныя прискорбныя явленія нынѣшняго соціального, гражданскаго и государственнаго строя, въ силу которыхъ отнимается у достойнѣйшаго то, что принадлежитъ ему по праву, и отдается другому, какъ незаслуженный имъ даръ, не имѣли бы мѣста. Всякій получитъ бы безъ всякихъ на то условій все, что принадлежитъ ему по праву, потому что это право прочно было бы гарантировано любовью къ нему всѣхъ и каждого, и въ свою очередь и ему самому совсѣмъ никогда бы не дозволила и помыслить о посягательствѣ на законныя права другаго. Какой просторъ, какая свобода каждому развивать въ себѣ все, къ чему влекутъ его истинныя наклонности и способности! И какого пышнаго развѣта ни достигло бы индивидуальное развитіе того или другаго лица, какими бы блестящими успѣхами ни ознаменовалось оно: всякий могъ бы быть спокоенъ и не опасаться того, что его успѣхи возбудятъ завистливыя пожеланія со стороны другихъ, потому что послѣдніе понимали бы, что этотъ счастливецъ подѣлится своими благами съ ними самими, что и сами они тою же любовью вызываются къ содѣйствію развитія каждого. Тогда наконецъ и все общество ясно сознавало бы, что оно можетъ достигнуть настоящаго, а не показнаго процвѣтанія только тогда, когда каждому предоставлена будетъ полная свобода развиваться въ мѣру своихъ силъ и способностей: по истинѣ, „кто погубить душу свою ради Христа, тотъ спасеть ее“. Путь самоотверженія, состоящій въ подавленіи въ себѣ узко-своекорыстныхъ влечений и въ свободномъ самопожертвованіи своихъ силъ и способностей на пользу общественную ведеть къ упроченію личной свободы каждого и безпрепятственному развитію его индивидуальной жизни со всѣми особенностями его духовной и тѣлесной природы. Истинно слово Христово: *дизайте, и дастся вамъ: мѣрою добрю, угнетенюю и переполненною отсыплють вамъ въ гено ваше: ибо какою мѣрою избрите, такою же отмѣрится и вамъ* (Лук. 6, 38).

V.

Но не подвергнемся ли мы въ свою очередь тому же упреку, съ какимъ мы обращались къ индивидуализму и коммунизму? Не мечта ли это? Гдѣ мы найдемъ общество такихъ святыхъ людей, которые способны были бы жить по такимъ началамъ? Люди, скажутъ намъ, всегда будутъ людьми; всегда они будутъ руководствоваться эгоистическими побужденіями, и настоящее не подаетъ никакой надежды на то, чтобы люди когда нибудь устроились на евангельскихъ началахъ.

Говорятъ, что личности, высоко и богато одаренные, своимъ умственнымъ взоромъ провидятъ за долго грядущія события. Послушаемъ же одного изъ таковыхъ, именно, Ф. М. Достоевскаго, который въ послѣднемъ своемъ романѣ „Братья Карамазовы“¹, устами отца Зосимы, такъ отвѣчаетъ на подобные недоумѣніи вопросы: „Знайте, что сія мечта несомнѣнно сбудется, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой законъ. Дѣло это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ по новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чѣмъ не сдѣлаешься на самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакой наукой и никакой выгодой не сумѣютъ безобразно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждого мало и все будуть роптать, завидовать и потреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *уди-ненія*... Непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему странному уединенію, и поймутъ все разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другаго, таково уже будетъ вѣяніе времени, и удивятся тому, что такъ сидѣли во тьмѣ, а свѣтъ не видѣли, тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси“....

И почему бы подобныя чаянія не считать за возможныя для своего осуществленія въ дѣйствительности, когда человѣчество переживетъ періодъ своего „*уди-ненія*“, какъ выражается Зосима? Даже и людямъ науки, представителямъ современного міросозерцанія, не чужды подобныя чаянія. Напр., Спенсеръ и его послѣдователи, на основаніи

своей эволюционной теоріи, относительно будущаго человѣчества вдаются въ такія спекуляціи, которыя оставляютъ за собою далеко мечты о. Зосимы. „Настанетъ день, говоритьъ Спенсеръ, когда альтруистической инстинктъ сдѣлается столь могучимъ, столь исключительнымъ, настолько внѣдреннымъ въ самый организмъ нашъ, что люди станутъ состояться въ возможности пустить его въ ходъ, въ случаѣ жертвъ и смерти“. Высшую же степень человѣческаго совершенства постѣдователи Спенсера видятъ въ такомъ состояніи, когда люди, какъ автоматы, будутъ совершать интеллектуальную и моральную свою дѣятельность чисто механическимъ образомъ: „Всякій актъ сознанія, резонируютъ они, всякое размышеніе предполагаютъ несовершенство, отсталость; идеаль человѣка—это сдѣлаться „бессознательнымъ автоматомъ“, въ совершенствѣ устроеннымъ человѣкомъ-машиной, дѣлающей самое лучшее и самое полезное для данного вида безъ какой либо потребности въ размышеніи. Доводя эту мечту до крайнихъ предѣловъ, Фулье нѣсколько въ щутливомъ тонѣ изображаетъ формы будущей жизни человѣчества въ такомъ видѣ: „Человѣкъ будущаго, говорить онъ, въ случаѣ, если бы онъ, паче чаянія, получилъ пощечину, возвратилъ бы таковую рефлексивнымъ движеніемъ (по закону альтруизма?!). Видя одного изъ себя подобныхъ падающимъ въ воду, онъ устремился бы на помощь благодаря игрѣ рефлексовъ, какъ при видѣ воды, бросается въ нее утенокъ, хотя бы воспитанный курицей. Въ этомъ золотомъ вѣкѣ мысль беречь имущество не придется даже въ голову: потерянный кошелекъ отдалутъ также добровольно и машинально, какъ дѣлаютъ жестъ, когда теряютъ равновѣсіе; чужая жена никому не будетъ внушать никакого вожделѣнія; любовники или мужья не будутъ имѣть случая, ни даже помышленія—быть ревнивыми; соперничество уничтожится и въ почестяхъ, въ мѣстахъ, въ благахъ всякаго рода; смерть и болѣзни люди будутъ переносить со stoическимъ равнодушіемъ и твердостію,—короче,—будутъ родиться и умирать добродѣтельными, не нуждаясь въ развитіи этого качества. Наслѣдственность совершила чудо“... (Фулье, Будущее морали, стр. 11). Развѣ подобная экскурсія въ отдаленные будущія времена не превосходитъ своею смѣлостію христіанскихъ чаяній и надеждъ?

Да, но они далеко уступают христіанскимъ возврѣніямъ въ томъ отношеніи, что послѣднія не лишаютъ человѣка свободы и разума, не обращаютъ его въ автомата, механически отправляющаго свою дѣятельность и потому не отвѣтственнаго за свое нравственное поведеніе. Христіанское ученіе внушаетъ вѣру, что на судѣ въ послѣдній день, который завершитъ собою циклъ земнаго человѣческаго развитія, каждому воздается по дѣламъ его, — что не можетъ быть приложимо къ автоматамъ, лишеннымъ разума и свободы.

Разумѣется, гадать о томъ, какими путями пойдетъ развитіе будущаго человѣчества, въ какія формы отольется оно, очень трудно и едва ли возможно, но что оно никогда не удовольствуется механическою дѣятельностію автомата,— это можно утверждать со всею несомнѣнностію. Самъ человѣкъ по своей духовной природѣ носить въ себѣ задатки къ безконечному нравственному развитію, равно и отъ вѣданья ему соответствующей этому идеалу нравственного совершенства: „*Будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*“ Поэтому думать такъ, что нравственное развитіе человѣчества отольется въ какую нибудь окончательную форму и на ней застынетъ, нѣть никакихъ основаній,

Но мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ указать на такую форму жизни, которая уже существовала въ прошлые времена христіанской жизни и которая тѣмъ самыемъ, что уже существовала, до извѣстной степени можетъ убѣдить насъ въ возможности будущаго обновленія человѣчества и устроенія имъ жизни на иныхъ началахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которые руководятъ жизнью нынѣшняго лода. При этомъ наша мысль устремляется къ формамъ жизни древняго пустынножительства. Были времена въ исторіи христіанской жизни, когда нѣкоторые люди, пылавши мыслю о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, не находя для ея осуществленія надлежащихъ условій въ окружающей ихъ дѣйствительности, исполненной злобы и всякой неправды, удалялись въ горы, лѣса и пустыни, составляли тамъ свое особое общество, основанное на началахъ *братской любви*. Изъ этой общины изгонялось все, что обычно поселяетъ *разъединенія* между людьми и является причиной ихъ несогласія и вражды. Здѣсь между членами

не было различія по знатности или незнатности происхождения, по важности или неважности чина, по богатству или бѣдности, по высокой или низкой ступени образования и воспитанія,—всѣ они братья между собою, потому что родственны другъ другу, по единству своихъ духовныхъ стремленій, и всѣ они были равны между собою, потому что всѣ они одинаково заключали въ себѣ возможность какъ къ нравственному паденію, такъ и къ нравственному совершенству, въ достижениіи цѣлей котораго не имѣетъ значенія ни знатность рода, ни богатство, ни образованіе и т. под. Если между членами этого общества и существовало какое либо различіе, и вслѣдствіе этого они неизбѣжно находились между собою въ отношеніи кѣкотораго подчиненія, то это опять здѣсь имѣло другое основаніе, чѣмъ какое мы находимъ въ установлениіи іерархической лѣстницы въ жизни мірскаго общества. Въ этихъ общинахъ одинъ братъ подчинялся другому на основаніи различія въ степени духовной зрѣлости и нравственной устойчивости, въ силу которыхъ одинъ невольно чувствовалъ превосходство другаго и вслѣдствіе этого также невольно подчинялся его руководству, какъ больше опытному въ жизненной практической науцѣ нравственного самоусовершенствованія. Подчиненіе на какихъ либо виѣшнихъ принудительныхъ началахъ, напр., изъ страха бдительности полицейского надзора, здѣсь было не мыслимо. Стоявшій въ главѣ такой общинѣ, избираемый всѣми ея членами, отличался отъ другихъ только сравнительной высотою своей духовной зрѣлости и другихъ какихъ либо особыхъ преимуществъ имѣть не могъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ игуменъ не могъ смирять непокорнаго на единѣ, а передъ братіей; о всѣхъ дѣлахъ долженъ совѣщаться съ братіей, и безъ того ничего не предпринимать. Въ такихъ общинахъ, если замѣчали, что настоятель разоряетъ уставъ и вводитъ соблазнъ, то, сойдясь о Христѣ, идутъ къ настоятелю, говорили ему обѣ опущеніяхъ и дѣлали ему увѣщаніе обѣ исправленіи. Если же онъ не принималъ совѣта, то на его мѣсто избирался другой изъ братства.

Мы указали на эту форму жизни древняго отшельничества не какъ на единую совершенную, дальше и выше которой ничего уже и быть не можетъ. Всегда нужно помнить, что

духъ человѣческій имѣть стремленіе и способность къ безконечному совершенству, которое можетъ идти и въ высъ, и въ ширь, и въ глубь. Поэтому остановиться и замереть въ одной какой нибудь формѣ онъ не можетъ: онъ постоянно будетъ искать болѣе совершенійшаго. Но то можно утверждать съ несомнѣнностью, что, если когда нибудь человѣчество отрѣшилось отъ началъ эгоизма, на которыхъ въ настоящее время оно устрояетъ свою жизнь и обратится къ другимъ, совершенно противоположнымъ началамъ жизни, то формы будущаго нравственного развитія,—какъ бы ни была разнообразна и безконечна ихъ смѣна,—должны быть построены на началахъ *братской любви*, какъ это мы видимъ въ жизни древняго отшельничества. И если въ исторіи христіанской жизни мы находимъ хотя *одну* форму — древняго отшельничества, положившаго въ основаніе своей жизни не эгоизмъ, а *братскую любовь*, то это вселяетъ въ насъ надежду, что со временемъ явятся и другая, и третья и т. д. форма жизни на тѣхъ же началахъ братской любви.

Но когда настанетъ этотъ истинно христіанскій, идеальный порядокъ вещей,—это скрыто отъ насъ. Можно только сказать, что настоящее положеніе дѣлъ подаетъ слишкомъ мало надежды на болѣе или менѣе скорое наступленіе его. „Весь въ напѣ вѣкъ, скажемъ опять словами о. Зосимы, раздѣлились на единицы, всякий уединился въ свою нору, всякий отъ другаго отдаляется, прячется, и что имѣть, прятать и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копить уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что чѣмъ болѣе онъ копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубийственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, пріучилъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь, въ людей и человѣчество, и только и трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и приобрѣтенные имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ наスマѣливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ

не въ личномъ уединенномъ его усилии, а въ людской общей цѣльности".

Но зачѣмъ намъ углубляться въ книжки? Предъ нашими глазами и глазами всего міра разыгрывается потрясающа душу драма, ужаснаго эпилога которой мы вѣроятно въ скоромъ времени будемъ не вольными свидѣтелями. Сильная, могучая нація, вооруженная послѣднимъ словомъ науки и культуры, направленныхъ въ настоящій разъ исключительно на истребленіе человѣчества, душить и давить горсть людей, отстаивающихъ свои законныя права на независимое существованіе. Весь міръ смотритъ на это позорное зрѣлище, и никто не можетъ ничего предпринять для прекращенія этого разбоя. Всѣ боятся, чтобы такой актъ человѣколюбія не породилъ собою еще большей злобы, которая можетъ залить весь міръ потоками крови. Гуманнѣйшія и искреннѣйшія усилія нашего обожаемаго монарха—изыскать средства для предупрежденія подобныхъ кровавыхъ столкновеній встрѣчаютъ ужасное недовѣріе со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ и культурныхъ націй. Все это говоритъ за то, что бѣдному человѣчеству еще долго придется переживать періодъ *уединенія* со всѣми его тяжелыми послѣдствіями.

Кончится же этотъ періодъ уединенія тогда, когда установятся правильныя отношенія между личностю и обществомъ. А это въ свою очередь случится только тогда, когда общимъ убѣжденіемъ сдѣлается та евангельская истиниа, что прежде всего нужно искать царствія Божія и правды его, и тогда уже все прочее приложится намъ (Ме. 6, 33). Царствіе же Божіе есть царство мира, царство любви. И когда эта евангельская истиниа сдѣлается достояніемъ общаго сознанія, тогда поймутъ люди, что упрочить права своей личности, создать не фиктивную, а дѣйствительную независимость, спасти свою душу каждый можетъ только путемъ самоотверженного служенія обществу; тогда и само общество пойметъ, что настоящаго своего процвѣтанія и прочности своего существованія оно можетъ достигнуть не путемъ тираніи надъ человѣческою личностю, а положительнымъ содѣйствиемъ каждому свободно развивать свои силы и способности, пускать въ оборотъ тѣ таланты, какіе каждый получитъ вмѣстѣ съ началомъ

своего бытія и за преумноженіе или гибель которыхъ долженъ будеть отвѣтать не только самъ обладатель ихъ, но и тѣ, кто помогалъ или препятствовалъ развиваться этимъ талантамъ.

Каждый для всѣхъ, и всѣ для каждого,—вотъ въ чёмъ мы видимъ истинное рѣшеніе нашего вопроса.

С. Левитскій.
